

друку насіла даволі суб'ектыўны характар. Аўтары артыкулаў кіраваліся часцей за ўсё ўласным густам і не прыводзілі навуковага абгрунтавання сваіх поглядаў. Часам гэта апраўдвалася адсутнасцю аўтарытэтных даведнікаў і слоўнікаў, акрамя «Руска-беларускага слоўніка», выдадзенага ў 1953 годзе. Характар прапаноў па вырашэнні праблем чысціні мовы ў той ці іншы перыяд залежаў ад асэнсавання суадносін беларускай мовы з рускай і з народнай, стаўленне да якіх дыктавалася ўмовамі грамадска-палі-тычнага жыцця краіны.

Літаратура

1. Аб адказнасці рэдактара перад чытачом // Звязда. 1957. 26 крас. С. 3.
2. Глебка П. Нататкі пра беларускую літаратурную мову // Літ. і мастацтва. 1950. 1 крас. С. 3.
3. Колас Я. Развіваць і ўзбагачаць літаратурную мову // Літ. і мастацтва. 1950. 1 крас. С. 1.
4. Кулакоўскі М. Не засмечваць літаратурную мову // Літ. і мастацтва. 1957. 10 крас. С. 2.
5. Лобан М. Некаторыя заўвагі аб мове // Польшыя. 1951. № 3. С. 135–140.
6. Лобан М. Пісьменнік і мова // Літ. і мастацтва. 1950. 7 кастр. С. 3.
7. Лужанін М. Пісьменнік і мова // Польшыя. 1951. № 6. С. 128–134.
8. Скрыган Я. Думкі аб мове // Літ. і мастацтва. 1957. 20 лют. С. 2–3.
9. Скрыган Я. Думкі аб мове (заканчэнне) // Літ. і мастацтва. 1957. 23 лют. С. 2–3.
10. Скрыган Я. Слова да малодшых // Маладосць. 1957. № 10. С. 137–145.
11. Царанкоў Л. Мясцовая лексіка ў літаратурным творы // Літ. і мастацтва. 1957. 23 ліст. С. 3.
12. Ці такой мовай трэба гаварыць з чытачом? // Звязда. 1958. 8 ліп. С. 2.
13. Юрэвіч У. Без павагі да слова // Літ. і мастацтва. 1954. 14 жн. С. 2.
14. Юрэвіч У. Дбаць пра народнасць мову // Літ. і мастацтва. 1957. 27 крас. С. 3–4.
15. Янкоўскі Ф. Абыякавасць да роднага слова // Літ. і мастацтва. 1957. 11 мая. С. 2.

УСТОЙЧИВЫЕ ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЧАСТНЫХ ГРАМОТКАХ XVII ВЕКА

О. В. Зуева

Как современная, так и древняя культура находит свое отражение в языке. В структуре, семантике употребленного слова, в реализации грамматических и синтаксических категорий стихийно выражается восприятие человеком самого себя. Определённое место в познании внутреннего мира человека справедливо отводит анализу его речевой деятельности, так как именно в ней ярко «проявляется языковая личность, принадлежащая данному времени, стране, региону, социальной группе» [12, с. 28]. Правила речевого поведения, применяемые в ситуациях вступления собеседников в контакт и поддержания общения в избранной тональности соответственно обстановке общения, социальным признакам

коммуникантов и характеру их взаимодействия, регулируются традициями речевого этикета [13, с. 5]. Значение имеет изучение этикета не только современности, но и прошлых эпох. Материалом для такой работы служат частные грамотки XVII в. – тексты бытовой письменности, отражающие межличностные отношения собеседников (представлены в изданиях, [2; 5; 6; 7]) и обладающие своими видовыми признаками, своим формуляром. Относительной общностью грамоток отличаются зачин и концовка, «легко вычленимые из всей ткани письма» [9, с. 136]. В структуре вступления и заключения иногда дословно повторяются отдельные словоформы, словосочетания, предложения, использование которых предполагала культура ведения переписки. Такие конструкции являются устойчивыми формулами – сочетаниями слов, отличающимися относительным постоянством лексического состава и синтаксической структуры, выполняющими определенную коммуникативную функцию. Изучению устойчивых формул языка и речи в историческом аспекте посвящены работы С. С. Волкова [1], В. Я. Дерягина [3; 4], Н. П. Панкратовой [8; 9], Н. И. Тарабасовой [10], О. В. Творогова [11] и др. Задачей нашего исследования является выделение и описание отдельных формул в соответствующих речевых ситуациях; характеристика их грамматической и синтаксической структуры, лексической и коммуникативной семантики. В данной работе мы ограничимся некоторыми формулами вступления, содержащими конструкции адресата в форме Дательного падежа.

Содержательная структура зачина

Зачин письма соответствует речевой ситуации вступления в общение. В композиции вступления можно выделить пять смысловых блоков (Н. П. Панкратова называет эти фрагменты «тематическими отрезками» [7, с. 138]):

- Называние адресата. На уровне предложения такие конструкции были представлены в двух видах: И. п., – собственно обращение, формально не связанное с другими словоформами: *Федор Василевич гсдрь* [2; с. 25], и Д. п. объекта, косвенное дополнение: *Гсдрю моему дядюшке Андрею Иличю* [7, с. 91].
- Представление адресантом самого себя: *Василеи Брехов челом бью* [2, с. 17].
- Выражение добрых пожеланий адресату: *буди ... покровен десницею вышняго бга и здрав на многие лета* [2, с. 67]; *здравствуи о Христе* [2, с. 63].

- Выражение желания поддерживать контакт с адресатом: *да прикажи ко мне писат про свое здорове* [7, с. 91].

- Сообщение адресанта о себе: *и я дал бгъ здоровъ* [7, с. 91].

Между понятиями «смысловой блок» и «устойчивая формула» нельзя ставить знак равенства. Смысловой блок – это элемент композиции. В сознании пишущего были закреплены этапы оформления вступления, а вот средством их выражения служили устойчивые формулы.

Характеристика формул с Дательным падежом адресата

В данную группу объединены разнообразные по своему строению устойчивые формулы. Заметим, что конструкции, собственно называющие адресата внутри устойчивой формулы, также создавались по определенным стандартам и обычно представляли собой последовательность приложения (называющего родственные отношения, социальную принадлежность адресата; содержащие его экспрессивные характеристики: *жене, сыну; боярыне, князю; доброприятелю, государю*), этикетного определения (*моему, милостивому*) и имени собственного адресата. В нашей работе мы обозначим их как неделимый элемент формулы «Д. п. адресата».

В устойчивых формулах бытовых текстов присутствуют фрагменты, восходящие к формулам делового стиля. Наиболее распространены в грамотках конструкции, соответствующие простому полному двусоставному предложению, подлежащее в котором – И. п. адресанта, сказуемое – уже в ту пору фразеологизированное сочетание «челом бьет» с глаголом в форме 3-го лица, а Д. п. адресата выполняет функцию косвенного дополнения: *Гсдрю моему кнзю Василью Василевичю Алешка Хитрово челом бьет* [2, с. 150]. Сравним с устойчивой формулой из челобитной: *Гсдарыне царице ... Евдакее Лукояновне биет челом раба твоя Катка Соколова* [6, с. 46]. Формулы юридических и бытовых текстов различаются порядком расположения элементов и общей семантикой. Так, в челобитных сказуемое с прямым порядком следования компонентов находится в препозиции относительно подлежащего; значение его – «жаловаться, предъявлять иск». В грамотках же сказуемое стоит в постпозиции, порядок следования его компонентов обратный и значение – «обращение с уважением, почтением».

Следующая формула отличается тем, что сказуемое-челобитье стоит в ней в форме 1-го лица: *Доброприятелю моему ... Василеи Брехов челом бью* [2, с. 17]. Отсутствие согласованности между существительным и глаголом можно объяснить предположением о том, что перед нами – неполное предложение с опущенным местоимением «я» в функции подлежащего, а имя собственное адресанта – приложение, уточняющее лицо. Наличие такой формулы говорит о проникновении элементов разговорной речи в нормы письменного этикета.

В формулах приветствия адресант, как правило, занимал постпозицию по отношению к адресату; так пишущий выражал свое глубокое почтение к последнему. Однако нам известны тексты, содержащие следующие формулы: *От Петра Василева жене моеи ... поклон* [2, с. 230] (I); *От Матрены Семеновны сну моему Петру Фомичю* [2, с. 63] (II); *Василеи Иванович сьну моему Федору Василевичу* [2, с. 106] (III). В приведенных формулах пишущим является отец, мать, муж – лицо с более высоким статусом независимо от речевой роли, и, возможно, в назидание адресату адресант сознательно упоминает сначала о себе. С современной точки зрения формула I соответствует эллиптическому предложению с Д. п. – лицом назначения (Ср.: *Сну моему Ивану поклон* [5, с. 83] – *Миру мир*). Формула II также генетически восходит к эллипсису, а вот устойчивая формула III, предполагаем, могла сложиться на основе такого зачина (пока что единожды встреченного в текстах): *пишут Никифор да Радивон... к брату своему Борису Григореву* [2, с. 39].

Употребление таких формул свидетельствует о тенденции пишущим к экономии языковых средств. Предельную возможность сокращения иллюстрирует устойчивая формула, состоящая из одного Д. п. адресата, самостоятельного, без последующих и предшествующих управляющих или зависимых конструкций: *Благодетелю моему Анфиму Ивановичю* [2, с. 109]; *Сыну моему Степану* [2, с. 43].

Таким образом, наблюдая в текстах XVII в. картину «кристаллизации» устойчивых формул общения, мы можем сделать следующие выводы. Один фрагмент письма выражался различными по строению, но синонимичными по семантике формулами. На их состав влияли, с одной стороны, вербальные средства ведения деловой документации, а с другой – разговорная речь. Достаточно широкая вариативность устойчивых формул свидетельствует о том, что письменный речевой этикет, при всей заданности своих традиций, все же оставлял за пишущим относительную свободу в распоряжении коммуникативными средствами языка.

Литература

1. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 164 с.
2. Грамотки XVII–нач. XVIII в. / Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1969. 415 с.
3. Дерягин В. Я. Варьирования в формулах русской деловой речи XV–XVII в.в. // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М.: Наука, 1985. С. 243–249.
4. Дерягин В. Я. Об историко-стилистическом исследовании актов текстов // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 97–107.
5. Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII–н. XVIII в. М.: Наука, 1964. 312 с.
6. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М.: Наука, 1968. 338 с.

7. Памятники русского народно-разговорного языка XVII ст. М.: Наука, 1965. 162 с.
8. Панкратова Н. П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение. М.: Наука, 1969. С. 127–156.
9. Панкратова Н. П. Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М.: Наука, 1963. С.134–144.
10. Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 157–173.
11. Творогов О. В. Задачи исследования устойчивых литературных формул // Ин-т рус. лит. ТООДРЛ. М.-Л.: Наука, 1964. Вып.20. С.29–41.
12. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. школа, 1989. 156 с.
13. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. М.: Рус. яз., 1984. 193с.

АНТЫЧНАЯ ТОПКА ПАЭМЫ Г. ПЕЛЬГРЫМОЎСКАГА «PHILOPATRIS AD SENATUM POPULUMQUE LITUANUM»

Г. А. Карповіч

У нашым даследаванні мы прапануем прасачыць выкарыстанне антычных матываў у паэме Гальяша Пельгрымоўскага «Патрыёт Айчыны – Сенату і народу літоўскаму».

Паэма «Philopatri ad Senatam populumque Lituani» / «Milośnik Ojczyzny do Senatu i Rzeczypospolitej Litewskiej» – адзін з надзвычай цікавых літаратурных помнікаў Вялікага княства Літоўскага канца XVI стагоддзя. Асабліва прываблівае даследчыкаў факт двухмоўя твора. На першых адзінаццаці старонках выдання чытаецца лацінскі тэкст, а з 13 па 24 старонкі, з той жа паслядоўнасцю раздзелаў, – польскі. Паміж тэкстамі няма стопрацэнтнай адпаведнасці, аднак ёсць агульныя месцы, якія дазваляюць выявіць, як аформлены ў найлепшых лаціністычных традыцыях тэкст паўплываў на польскі, і зрабіць вывад, якім чынам ліцвінская свядомасць аўтара перастварыла гэтыя традыцыі на роднай глебе.

Мастацкая сітуацыя ў дэкламацыі Г. Пельгрымоўскага нагадвае пасяджэнне сената, у якім бяруць удзел Патрыёт Айчыны, Маці Літва і яе шматлікія дзеці: розныя землі Вялікага княства Літоўскага, колішнія ўладанні літоўскіх князеў, і нават сумежныя тэрыторыі. Тэма выступлення Патрыёта і ўсяго «паседжання сената» – заняпад некалі магутнай дзяржавы, абьякавасць грамадзян да лёсу Бацькаўшчыны – традыцыйная не толькі для лацінамоўнай і польскамоўнай паэзіі Беларусі эпохі Рэнесансу, але і для літаратуры ўсіх часоў і народаў увогуле. Тут мы і знаходзім першае «агульнае месца» альбо *topos*, як сказаў бы старажытны рытар. Матыў «у свеце нешта не тое робіцца», які так выразна чытаецца ў выступленні Патрыёта Айчыны і звароце Маці Літвы